

Милостивый Государь,
Федоръ Михайловичъ,

Я пишу Вамъ, потому что боюсь не совладѣть съ собою, боюсь смутиться передъ Вами. Я могъ бы съ весьма достаточными рекомендаціями быть Вамъ представленнымъ, я могъ бы самымъ приличнымъ и общепринятымъ путемъ добиться того, чтобъ Вы считали меня въ числѣ Вашихъ знакомыхъ, могъ бы, время отъ времени улучая минутки, высказать Вамъ то, что мнѣ хочется высказать; но вѣдь это было бы такъ долго, а я и такъ уже нѣсколько лѣтъ жду случая говорить съ Вами. Я только что узналъ, что Вы здѣсь и спѣшу писать, покуда хватаетъ храбрости.

Меня зовутъ Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьёвъ; я выросъ въ Москвѣ, въ домѣ отца моего (автора Исторіи Россіи) и нѣту еще трехъ лѣтъ какъ окончилъ курсъ кандидатомъ правъ въ Московскомъ Университетѣ. По окончаніи курса я переѣхалъ въ Петербургъ и служу во II Отдѣленіи Собственной Канцеляріи.

Вы играете въ моей жизни громадную роль — бываютъ минуты, когда я дышу Вами. Какъ часто обращался я къ Вамъ за рѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ — и Вы всегда отвѣчали мнѣ; бывали случаи, когда я додумывался до нѣкоторыхъ мыслей, не имѣя, однако, силы выразить ихъ словами, и потомъ находилъ эти мысли въ твореніяхъ Вашихъ, выраженными Вашимъ могучимъ словомъ. Однажды, это было во время

// л. 1

моего студенчества, въ нашемъ кружкѣ зашелъ споръ и, развертываясь, коснулся религіи. Вся эта молодежь носилась съ своимъ позитивизмомъ и, на основаніи выводовъ современной философіи, отвергала то, что отвергать невозможно. Я пробовалъ говорить сначала; но скоро понялъ, что слова мои безсильны и молчалъ до окончанія спора; мнѣ было ихъ жалко, я смотрѣлъ какъ горѣли ихъ глаза, какъ они ставили послѣ своихъ фразъ точки выразительными жестами, какъ они насакивали другъ на друга, перебивали другъ друга... — и мнѣ казалось, что во всемъ этомъ было одно только внѣшнее, т. е. блистаніе глазъ, выразительные жесты, насакиванье и перебиванье, а внутренняго ровно ничего не было, были краски; но звуковъ не было. Они спросили меня, отчего я молчу и я отвѣчалъ: «Оттого, что нельзя говорить съ вами, оттого, что вы сами не знаете, что говорите, хотите говорить объ одномъ, а говорите о другомъ, совсѣмъ о другомъ и все, что вы говорите — совсѣмъ не то и не имѣетъ съ тѣмъ ничего общаго». «Вотъ это мило, закричали они; за неимѣніемъ въ головѣ чего нибудь дѣльнаго сказать чортъ знаетъ что и воображать, что это очень эффектно выходитъ».

Я ушелъ отъ нихъ обвиненный въ глупости и всю ночь думалъ, думалъ и все же приходилъ къ тому заключенію, что они говорятъ окончательно не объ томъ. Недѣли черезъ три я получилъ только что вышедшій № Русскаго Вѣстника, въ которомъ Вы подтвердили мою мысль и сказали почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ

то, что я говорилъ имъ. Я понесъ имъ этотъ №, прочелъ слова Ваши, они сказали: «Ну, и радуйся». И я дѣйствительно радовался всей моей радостью.

Васъ ставятъ въ числѣ лучшихъ русскихъ писателей, на Преступленіе и Наказаніе указываютъ какъ на одно изъ первыхъ произведеній за послѣднее время — да; но все же оцѣнка Вашего таланта еще впереди; Вы еще не поняты какъ слѣдуетъ русскимъ обществомъ,

// л. 1 об.

оно еще не доросло до этого пониманія и слушаетъ слова Ваши широко раскрывъ глаза, въ недоумѣніи и смущеніи. Отчего же имъ трудно понимать Васъ? Оттого, что Вы далеки отъ сентиментальныхъ мечтаній, оттого, что Вы съ горячими слезами и горькимъ смѣхомъ; но твердою рукою до мельчайшихъ подробностей анатомируете душу человѣка и душу общества, оттого, что Вы останавливаетесь надъ такими явленіями, замѣтить которыя можетъ только человѣкъ, думающій надъ тѣмъ, что творится кругомъ него и въ немъ, а громадное большинство людей ни надъ чѣмъ не задумывается, живетъ зря, не имѣетъ никакихъ убѣжденій и если и говоритъ, и споритъ какъ будто по убѣжденію, то это только такъ, разговоры разговариваетъ, скажетъ, что скажется, подумаетъ, что подумается въ извѣстную минуту, а завтра, при другихъ обстоятельствахъ, скажетъ пожалуй совсѣмъ другое, и подумаетъ другое. Но относительно думанья, часто совсѣмъ ничего не подумаетъ, а говоритъ чужія, въ большинствѣ случаевъ, печатныя слова, <ото>рыя вспомнятся въ эту минуту. И такъ день за днемъ, годъ за годомъ, идетъ себѣ пока идется; развѣ что поныть да поглумиться надъ собою — вотъ это ужасно любятъ русскіе, особенно печатающіеся, люди; и поглумиться не между своими, не въ сторонкѣ, а всенародно; если можно, то передъ цѣлой Европой и Америкой побить себя по щекамъ, поплевать на себя и доказывать, что всѣ мы, сыны Россіи, безнадежные дураки, подлецы и воры и будемъ такими до скончанія вѣка. Но что всего противнѣе, такъ это то, что каждый изъ этихъ вертящихся дервишей говоря: *мы* непремѣнно увѣренъ, что въ «*мы*» онъ не присутствуетъ и говоритъ это «*мы*» вмѣсто «они» только изъ деликатности, то есть изъ страху. Такимъ образомъ выходитъ, что *все это*, несмотря на самобіеніе и самооплевываніе, страдаетъ величайшимъ самодовольствомъ и въ этомъ самодовольствѣ

// л. 2

блаженствуетъ, и не хочетъ выходить изъ своего блаженства — а Вы зовете его на серьезныя мысли, на зрѣлища, потрясающія нервы, въ атмосферу тяжкаго страданія, среди которой сіяютъ любовь и прощеніе, такъ дивно понятыя Вами. И *все это* начинаетъ дрожать за свое блаженство, и боится Васъ, и отрекшится, и говоритъ, что слова Ваши непонятны. Вѣдь тяжело сознаться, что все, о чемъ Вы пишете, существуетъ, потому что тогда нужно очнуться и дѣйствовать; вѣдь пріятно себя успокоить тѣмъ, что его не существуетъ, что оно только фантазія писателя; пріятно увѣриться, что есть Буффъ, романы Бэлло и какая нибудь Бобарыкиновщина, которую можно читать не задумываясь.

А тѣ, которые думаютъ?! — Вы знаете до чего додумалось и додумывается большинство изъ нихъ.

Мнѣ такъ много хочется сказать Вамъ; но я сознаю, что это невозможно. Нужно кончить. Я повторяю, что Вы имѣете на мою жизнь огромное вліяніе, что я никогда не ставилъ Вашего имени рядомъ съ другими современными именами, что я вижу въ твореніяхъ Вашихъ яркій пламень генія, и преклоняюсь передъ Вами, и глубоко люблю Васъ. У меня еще все впереди и, быть можетъ, и мнѣ удастся сказать свое слово; но мнѣ нужна опора и за этой опорой обращаюсь я къ Вамъ, гениальный учитель. Если для Васъ могутъ что нибудь значить восторгъ мой и любовь моя, то позвольте мнѣ прійти къ Вамъ. Мой адресъ: Почтамтская улица, домъ № 14, квартира № 14.

Съ глубокимъ уваженіемъ и искренней преданностью
остаюсь покорнымъ слугой Вашимъ
Вс<.> Соловьевъ

28го Декабря 1872го года.

// л. 2 об.